

Мюррей Ротбард

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

ДО

АДАМА СМИТА

Австрийский взгляд на историю экономической мысли

Перевод с английского В. Зеленов

Введение

Как сказано в подзаголовке, эта работа является изложением общей истории экономической мысли с откровенно «австрийской» позиции: то есть, с точки зрения сторонника «австрийской школы» экономики. Это единственная работа такого рода, написанная современным «австрийцем»; действительно, опубликованные за последние десятилетия австрийцами несколько монографий по истории мысли, затрагивали сугубо специализированные области.

1. Ценную и монументальную книгу Йозефа Шумпетера *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954) иногда называют «австрийской». Однако Шумпетер, хоть и вырос в Австрии и учился под руководством великого австрийца Бем-Баверка, сам был убежденным

сторонником Вальраса и, кроме того, его *History* была эклектичный и весьма своеобразной.

Мало того, этот подход базируется на не самым в настоящее время модным, хотя и нельзя сказать, что совсем уж непопулярном варианте австрийской школы — на «мизесианстве» или «праксиологии».

2. Разъяснения относительно трех основных, в настоящее время, парадигм австрийской школы, см. N. Rothbard, *The Present State of Austrian Economics* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1992)

Однако австрийский подход является едва ли единственной особенностью данной работы. Когда автор начинал изучать экономику в 1940 г., в подходе к истории экономической мысли существовала главенствующая парадигма, которая и сейчас сохраняет свое положение, хоть и не в той степени, как в ту эпоху. По существу в рамках этой парадигмы рассматриваются только очень немногие Великие Люди, во главе с Адамом Смитом, основателем и почти сверхчеловеком, которые олицетворяют историю экономической мысли. Но если Смит действительно был основоположником и экономического анализа, и традиции свободной торговли, свободного рынка в политической экономии, то было бы мелко и мелочно всерьез ставить вопрос о любом из аспектов приписываемых ему достижений. Любая резкая критика Смита как экономиста или как сторонника свободного рынка выглядела бы анахронизмом: взирая на пионера и основателя с вершин сегодняшнего знания, это выглядело бы так, будто хилые потомки подвергают несправедливому избиению гигантов, на плечах которых сами стоят.

Если экономическая наука была сотворена Адамом Смитом, подобно тому, как Афина выскочила из головы Зевса полностью сформировавшаяся и в полном вооружении, то тогда все его предшественники — это просто фон, карлики, которые не имеют никакого значения. В классических описаниях экономической

мысли действительно была совершена короткая расправа над теми, кому не повезло оказаться предшественниками Смита. Они, как правило, подразделялись на две категории и бесцеремонно отбрасывались. Непосредственно перед Смитом шли меркантилисты, которых он сурово раскритиковал. Понятно, что меркантилисты были простаками, постоянно призывавшими людей копить деньги, а не тратить их, или настаивали на том, что сальдо торгового баланса должно быть «сбалансировано» с каждой страной. Еще больше досталось схоластам, как средневековым невеждам-моралистам, которые занудно предупреждали о том, что «справедливая» цена должна покрывать производственные затраты торговца плюс разумную прибыль.

В классических произведениях по истории экономической мысли 1930-х и 1940-х гг. изложение в том же духе продолжилось, так что после Смита отмечались в основном лишь несколько выдающихся фигур. Рикардо систематизировал Смита и доминировал в экономике вплоть до 1870-х гг.; затем «маржиналисты» Джевонс, Менгер и Вальрас незначительно поправили «классическую экономику» Смита-Рикардо, подчеркнув важность предельной единицы по сравнению с классом благ в целом. Затем был Альфред Маршалл, который, чтобы создать современную неоклассическую макроэкономику, с глубокомысленным видом соединил трудовую теорию стоимости Рикардо с якобы односторонним австрийско-джевонсовским акцентом на спрос и полезность. Карла Маркса проигнорировать вряд ли возможно, и поэтому он в соответствующей главе подается как сбившийся с пути рикардианец. Ограничившись четырьмя или пятью Великими Личностями, каждая из которых, за исключением Маркса, способствовала непрерывному прогрессу экономической науки, историк смог бы, таким образом, отполировать свой рассказ, повествующий по существу о вечном движении вперед и вверх — к свету.

3. Когда автор готовился к защите докторской диссертации в Колумбийском университете, его экзаменатором по истории экономической

мысли был почтенный Джон Морис Кларк. Когда автор спросил Кларка, должен ли он прочесть Джевонса, Кларк ответил с некоторым удивлением: «А какой смысл? Все хорошее, что есть у Джевонса, изложено у Маршалла».

После окончания Второй мировой войны в Пантеон был конечно же добавлен Кейнс, который вписал новую кульминационную главу в историю прогресса и развития науки. Кейнс, любимый ученик великого Маршала, понял, что старик отошел от того, что позже назовут «макрэкономикой» и полностью сконцентрировался на микро. И поэтому Кейнс добавил макро, сосредоточившись на изучении и объяснении безработицы, явления, которое всеми предшественниками Кейнса необъяснимым образом исключалось из экономической картины, или для удобства убиралось под сукно с беспечной формулировкой «при условии полной занятости».

С тех пор доминирующая парадигма, в значительной степени, пребывала неизменной, хотя, в последнее время, над ней стали сгущаться тучи. С одной стороны, эта история вечного прогресса, творимого Великими, требует, чтобы в нее время от времени вписывалась новые завершающие главы. «Общей теории» Кейнса, опубликованной в 1936 г., в настоящее время исполняется почти шестьдесят лет; и безусловно, для заключительной главы требовался новый Великий. Но кто? На какое-то время в лидеры вырвался Шумпетер, с его современным и, казалось бы, реалистичным акцентом на «инновациях», но эта тенденция пришла в упадок, в виду, вероятно, осознания того факта, что фундаментальная работа Шумпетера (или «видение», как он ее сам проницательно назвал) была написана за более чем два десятилетия до «Общей теории». Период после 1950-х был сумрачным; трудно было снова вернуться к некогда позабытому Вальрасу и втиснуть его в прокрустово ложе постоянного прогресса.

На мою собственную убежденность в фатальной ошибочности подобного подхода — с опорой на немногих Великих — в значительной степени повлияли работы двух великолепных историков экономической мысли. Одним из них был мой научный руководитель Иосиф Дорфман, многотомный, не знающий себе

равных, труд которого по истории американской экономической мысли убедительно показал, насколько важны в любом движении идей фигуры якобы «малого» масштаба. Когда подобными фигурами пренебрегают, вне поля зрения в первую очередь остается исторический материал и история, следовательно, фальсифицируется, когда отбираются и получают неоправданно высокую оценку лишь некоторые отдельные разрозненные тексты, которые Историю мысли и олицетворяют. Во-вторых, большое количество якобы второстепенных фигур внесли в развитие науки весомый вклад, в каких-то отношениях даже более весомый, чем вклад некоторых знаменитостей. Следовательно, важные особенности экономической мысли упускаются из виду и, построенная таким образом теория оказывается ничтожной, бесплодной и безжизненной. Кроме того, когда следуют подходу Немногих Великих, различные мнения, интересные сами по себе и высказанные с энтузиазмом, контекст идей и движений, то, как люди влияли друг на друга и как они реагировали друг на друга, все это — непременно вычеркивается из истории. Этот аспект работы историка помог мне осознать известный двухтомник Квентина Скиннера *Foundations of Modern Political Thought*, который вполне возможно оценить по достоинству и без принятия самой бихевиористской методологии Скиннера.

4. Joseph Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization* (5 vols, New York: Viking Press, 1946-59); Quentin Skinner, *The Foundations of Modern Political Thought* (2 vols, Cambridge: Cambridge University Press, 1978).

Постоянный прогресс, подход «вперед и вверх» перестал для меня существовать и перестал бы существовать и для других, если бы все прочли знаменитого книгу Томаса Куна *Structure of Scientific Revolutions*.

5. Thomas S. Kuhn, *The Structure of Scientific Revolutions* (1962, 2nd ed., Chicago: University of Chicago Press, 1970)

Кун не писал об экономике, он в обычной манере философов и историков науки сосредоточил свое внимание на таких неизбежно «строгих» науках, как физика, химия и астрономия. Привнеся слово «парадигма» в интеллектуальный дискурс, Кун уничтожил то, что я назвал бы «виговской теорией истории науки». Теория вигов, которой следуют почти все исследователи истории науки, в том числе экономической, выражается в том, что научная мысль прогрессирует постепенно, год за годом, развивая, отсеивая и проверяя теории и, таким образом, наука неуклонно движется вперед и вверх, каждый год, десятилетие или поколение, расширяя знание и располагая все большим количеством правильных научных теорий. На аналогии с исторической теорией вигов, появившейся в Англии, в середине XIX в., согласно которой, все всегда становится (и, следовательно, должны становиться) лучше и лучше, виговский историк науки, который опирается, казалось бы, на более прочное основание, чем обычный виговский историк, явно или неявно утверждает, что для всякой конкретной научной дисциплины «то, что наступает позже — всегда лучше». Виговский историк (науки или истории вообще) действительно полагает, что в любой момент исторического времени «все, что было, было правильно» или, по крайней мере, стало лучше, чем «все, что было до того». Неизбежным результатом является самодовольный и просто приводящий в ярость наивный панглоссковский оптимизм. (Панглосс — оптимистичный персонаж из повести Вольтера «Кандид» — *пер.*) В историографии экономической мысли следствием стало твердое, хоть и неявное убеждение, что всякий отдельный экономист или, по крайней мере, всякая экономическая школа, обязательно способствовали неуклонному движению вверх. И в таком случае, не существует такого понятия, как грубая систематическая ошибка, которая способна сделать ущербной или даже несостоятельной целую школу экономической мысли, не говоря уже о том, чтобы весь мир экономической науки оказался в постоянном заблуждении.

Однако Кун, продемонстрировав, что наука развивается совершенно иначе, просто шокировал философский мир. После того,

как устанавливается центральная парадигма, основные ее допущения не испытываются, не отсеиваются и не тестируются до тех пор, пока серия неудач и аномалий в главенствующей парадигме не ввергнет науку в «кризисную ситуацию». Необязательно принимать нигилистическое философское мировоззрение Куна и его вывод о том, что ни одна парадигма не является или не может быть лучше, чем любая другая, чтобы понять, что его совсем не мечтательное отношение к науке по своей сути верно, как исторически, так и социологически.

Но если даже в точных науках обычное романтическое или панглоссовское представление оказалось несостоятельным, оно тем более должно быть полностью неприемлемо в такой «мягкой науке», как экономика, в дисциплине, где нет и не может быть никаких лабораторных тестов и где многочисленные, еще более мягкие дисциплины, такие, как политика, религия и этика, обязательно оказывают влияние на экономические воззрения индивидов.

Поэтому в экономике невозможна презумпция о том, что более поздняя идея лучше более ранней или даже, что все известные экономисты действительно внесли существенный вклад в развитие нашей науки. Поскольку весьма вероятно, что экономика не является постоянно прогрессирующей системой взглядов, где свой вклад в прогресс вносит каждый, экономика двигалась и движется неоднозначным, даже зигзагообразным путем, когда более поздние систематические заблуждения подчас вытесняют более ранние, но правильные парадигмы, тем самым направляя экономическую мысль по ошибочному или даже трагическому пути. Общее направление экономической мысли на любом отдельно взятом отрезке времени может быть восходящим, а может быть и нисходящим.

В последние годы экономика, под доминирующим влиянием формализма, позитивизма и эконометрики, пыталась уподобиться строгим наукам и мало проявляла интереса к собственному прошлому. Возобладала тенденция, как и в любой «настоящей» науке, сосредоточиться на последнем учебнике или на последней журнальной статье, а не на изучении собственной истории. В конце

концов, разве много времени современные физики тратят на изучение оптики XVIII в.?

Однако в последние 10–20 лет главенствующая формалистская неоклассическая вальрасо-кейнсианская парадигма стала вызывать еще больше сомнений, и в различных областях экономики сложилась настоящая «кризисная ситуация», о которой писал Кун, поскольку беспокойство коснулось в том числе и методологии. В этой ситуации снова проснулся интерес к изучению истории экономической мысли, который, как мы надеемся и ожидаем, в ближайшие годы будет только усиливаться.

6. В последние годы уделяется большое внимание блестящей критике неоклассического формализма, полностью зависимо от устаревшей механики середины XIX в., что является благоприятным признаком недавнего изменения подхода. См. Philip Mirowski, *More Heat than Light* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989).

Ибо если знание, похороненное вместе с отвергнутыми парадигмами, может исчезнуть и на протяжении долгого времени пребывать в забвении, значит, изучать ранних экономистов и ранние школы мысли необходимо не только в антикварных целях или чтобы узнать, как интеллектуальная жизнь протекала в прошлом. Ранних экономистов нужно изучать потому, что их важный вклад мог быть забыт и, следовательно, он может оказаться новым знанием сегодня. Ценные истины о сущности экономики могут содержаться не только в последних выпусках академических журналов, но также и в текстах давно умерших мыслителей-экономистов.

Однако это всего лишь методологические обобщения. Конкретное понимание того, что важные экономические знания оказались утраченными, на протяжении долгого времени, пришло ко мне при изучении того, как происходил глобальный пересмотр взглядов на схоластов, происходивший в 1950-х и 1960-х гг. Новаторский подход был ярко продемонстрирован в замечательной книге Шумпетера *History of Economic Analysis* и получил дальнейшее

развитие в работах Раймонда де Рувера, Марджори Грайс-Хатчинсон и Джона Т. Нунана. Оказалось, что схоластики были не просто «средневековыми», они начали свою деятельность в XIII в., расширяли ее и процветали на протяжении XVI и в XVII вв. Далекие от морализаторства в вопросах издержек производства, схоласты считали, что справедливая цена есть любая цена, которая устанавливается свободным рынком на основе «общей оценки». Мало того: схоластов, далеких от наивных теорий трудовой стоимости или теории издержек, можно считать «протоавстрийцами», которые разработали хорошо продуманную теорию ценности и цены на основе субъективной полезности. К тому же, некоторые из схоластов оказались гораздо выше сегодняшних формалистов от микроэкономики в вопросах разработки «протоавстрийский» динамической теории предпринимательства. Более того, в части «макро» испанские схоласты, начиная с Буридана и достигнув расцвета в XVI в., разработали скорее «австрийскую», чем монетаристскую теорию денег и цен на основе спроса и предложения, включающую межрегиональные денежные потоки, и даже теорию паритета покупательной способности валютных курсов.

Совершенно не покажется случайностью, что этот радикальный пересмотр наших знаний о схоластах был произведен не американскими экономистами, которые, как правило, не слишком известны в качестве знатоков латыни, а экономистами, получивших европейское образование, пропитанное латинским языком, языком, на котором писали схоласты. Это простое обстоятельство указывает на еще одну причину, в силу которой знания теряются в современном мире: замкнутость в своем языке (она особенно характерна для англоговорящих стран), которая со времен Реформации разъединяет некогда единое сообщество ученых Европы. Одна из причин, почему континентальная экономическая мысль часто оказывала незначительное влияние или, по крайней мере, запаздывала в Англии и в Соединенных Штатах, состоит в том, что эти произведения не были переведены на английский язык.

7. В настоящее время, когда английский стал средством общения между народами Европы, и большинство европейских журналов публикуют статьи на английском языке, этот барьер стал минимальным.

В те же годы влияние схоластических ревизионистов лично на меня был дополнено и усилено работой историка немецкого происхождения, «австрийца» Эмиля Каудера. Каудер показал, что доминирующие экономические идеи во Франции и Италии на протяжении XVII и особенно XVIII вв. были также «протоавстрийские», и в них делался акцент на субъективной полезности и относительной редкости, как факторах, определяющих ценность. Основываясь на этом, Каудер с удивительной проницательностью на основе анализа работ схоластических ревизионистов установил, какова была роль Адама Смита, и сделал выводы, какие, впрочем, непосредственно вытекают и из его собственной работы, что Смит не был основоположником экономики, и даже наоборот. На самом деле Смит изъясил правильную и почти полностью разработанную протоавстрийскую традицию субъективной ценности и трагическим образом направил экономику на ложный путь, в тупик, из которого австрийцам пришлось спасать экономику столетие спустя. Смит отказался от субъективной ценности, предпринимательства и акцента на реальное рыночное ценообразование и рыночную деятельность, все это он заменил трудовой теорией ценности и сосредоточил свое внимание на неизменной, в долгосрочной перспективе, «естественной цене» равновесия, то есть миром, в котором предполагается, что предпринимательства не существует. При Рикардо это злосчастное смещение акцентов было в еще большей степени усилено и систематизировано. Если Смит не был создателем экономической теории, то он не являлся и основоположником *laissez-faire* в политической экономии. Не только анализ свободного рынка, разработанный схоластами, не только вера в свободный рынок и критика государственного вмешательства; оказалось, что французские и итальянские экономисты XVIII в. были гораздо более ориентированы на *laissez-faire*, чем Смит, который привнес лишь пустословие и многочисленные оговорки в то, что у Тюрго и других

было почти чистым отстаиванием *laissez-faire*. Оказывается, что вместо того Смита, которого следует почитать как создателя современной экономики или *laissez-faire*, реальный Смит скорее соответствовал той характеристике, которую дал ему Пол Дуглас в Чикаго в 1926 г., при чествовании *Wealth of Nations*: необходимый предшественник Карла Маркса.

Вклад Эмиля Каудера не ограничивается тем, что он изобразил Адама Смита разрушителем предшествовавшей ему здоровой традиции в экономической теории, как творца огромного «зага» в зигзагообразной истории экономической мысли в картине Куна. Также интересной, если не еще более исчерпывающей была оценка Каудером существа того, что *порождает* любопытную асимметрию в ходе развития экономической мысли в разных странах. Например, почему традиция субъективной полезности процветала на континенте, особенно во Франции и Италии, а затем возродилась, в частности, в Австрии, в то время как трудовая теория и теория издержек производства разработаны именно в Великобритании? Каудер относил это различие на счет определяющего влияния религии: схоласты были католиками, Франция, Италия и Австрия — католические страны, и католицизм считал потребление целью производства, а потребительскую полезность и наслаждение, по крайней мере, в умеренных количествах, считал полезной деятельностью и достойной целью. И наоборот, британская традиция, начиная с самого Смита, была кальвинистской и отражала акцент кальвинизма на тяжелой работе и усердном труде, которые были сам по себе хороши, но очень хороши, тогда как как потребительское наслаждение — это, в лучшем случае, необходимое зло, просто необходимая составляющая постоянного труда и производства. Читая Каудера, я полагал, что такое понимание — это очень серьезный вызов, однако оно все-таки остается по сути бездоказательным предположением. Однако, по мере того, как я продолжал изучать историю экономической мысли и приступил к написанию настоящей работы, я пришел к выводу, что концепция Каудера подтвердилась, причем многократно. Даже если Смит был «умеренным» кальвинистом, он, тем не менее, был крепок в вере, и я пришел к выводу, что влияние кальвинизма действительно может

объяснить, например, непонятное, в отношении Смита, отстаивание им законов о ростовщичестве, а также перенос им акцентов с капризных, любящих роскошь потребителей, как определителей ценности, на добродетельных рабочих, вкладывающих часы своего труда в ценность, производимого ими материального продукта. Но если подход Смита можно объяснить влиянием на него кальвинизма, то что же сказать об иудее испано-португальского происхождения, перешедшем в квакеры, о Давиде Рикардо, который, безусловно, не был кальвинистом? Мне представляется, что как раз здесь выходит на авансцену недавнее исследование, посвященное доминирующей роли Джеймса Милля, как наставника Рикардо и главного творца «системы Рикардо». Поскольку Милль был шотландцем и рукоположен в сан пресвитерианского священника, он весь был пропитан кальвинизмом. Фактически, то, что позднее Милль переехал в Лондон и стал агностиком, никак не влияет на кальвинистскую природу его основных подходов к жизни и миру. Огромная евангельская энергия Милля, его крестовый поход за социальные улучшения и его преданность упорному труду (а также родственной кальвинистской благодетели – бережливости) отражает оставшееся у него на всю жизнь кальвинистское мировоззрение.

Воскрешение Джоном Стюартом Миллем рикардианства может быть интерпретировано и как гипертрофированная преданность памяти своего доминантного отца, и как банализация Альфредом Маршаллом идей австрийской школы и помещение их в рамки его собственной неорикардианской схемы, также пришедшей из крайне нравоучительного и евангелистского неокальвинизма. И наоборот, неслучайно, что австрийская школа, главный оппонент представлениям Смита-Рикардо, возникла в стране, в которой не только была прочно укоренена католическая вера, но где ценности и отношение по-прежнему сильно зависели от идей Аристотеля и Фомы Аквинского. Немецкие предшественники австрийской школы процветали не в протестантской и антикатолической Пруссии, но в тех немецких государствах, которые были либо католическими, либо являлись политическими союзниками Австрии, а не Пруссии. Результатом этих исследований стало мое крепнущее убеждение, что отказ от учета религиозного мировоззрения, а также социальной

и политической философии, катастрофически исказил бы любую картину истории экономической мысли. Это достаточно очевидно для эпох, предшествующих XIX в., однако остается верным и для нашего века, даже если технический аппарат начинает жить своей собственной жизнью. С учетом всех этих идей данная работа весьма отличается от нормы, а не только в том, что представляет австрийскую, а не неоклассическую или институционалистскую точку зрения. Она получилась гораздо длиннее, чем большинство других книг, поскольку я настаиваю на рассмотрении «малых» фигур и того, как они взаимодействовали, а также подчеркиваю важность их религиозных, социальных и философских воззрений, наряду с их более узкими, строго «экономическими» взглядами. Однако я надеюсь, что объем и включение дополнительных элементов, не сделает эту работу трудной для восприятия. Напротив, история обязательно означает повествование, рассказ о реальных людях, а также о выдвинутых ими абстрактных теориях; здесь присутствуют и триумфы, и трагедии, и конфликты, которые зачастую оказываются моральными, впрочем, и чисто теоретическими тоже. И потому я надеюсь, что читатель останется доволен, когда в качестве компенсации непривычной длины этой книги ему будут представлены такие рассказы о человеческих драмах, какие обычно не встречаются в учебниках по истории экономической мысли.

Мюррей Ротбард

Лас-Вегас, Невада